ОСОБЫЙ РЕГИОН ЕВРОПЫ

УДК 94

Любовь ШИШЕЛИНА

К 30-летию НАЧАЛА РЕФОРМ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. В 2019 г. страны Центральной Европы отметят тридцатилетие со времени смены системы. Автор статьи находит это удачным поводом для промежуточного подведения итогов реформирования общественно-политической и экономической жизни в странах региона. Анализируя данный процесс, прежде всего следует учитывать, что постсоциалистические страны изначально имели цель, которая формулировалась ими как «возвращение в Европу». Тем не менее по мере продвижения по пути трансформаций, цели изменялись и конкретизировались. Большую роль в этом играла общая международно-политическая обстановка, ситуация к востоку и к западу от региона. Важно отметить и то, что в XXI веке реформы происходили уже в рамках членства этих стран в НАТО и ЕС. Автор прослеживает влияние всей цепи трансформационных процессов - экономических, политических, идеологических – на ситуацию в вишеградских странах, а также эволюцию объединения Венгрии, Польши, Словакии и Чехии – В4. Особое внимание уделяется исследованию этапов становления внешней политики «четверки», ее отношений с ЕС и с Россией. В подобном ракурсе проблема В4 в отечественной литературе анализируется впервые.

Ключевые слова: Вишеградская четверка, Вишеградская Европа, трансформации, реформы, международные отношения, двусторонние отношения, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия.

На фоне углубляющихся противоречий и кризиса Европейского союза страны Центральной Европы, добившиеся в последние годы немалых успехов и значительно приблизившиеся по уровню жизни к Западной Европе, подошли к череде юбилейных дат, побуждающих их к серьезному философскому анализу, оценкам и размышлениям о своем историческом пути и нынешнем положении. Безусловно, одной из таких дат является приходящееся на 2019 г. тридцатилетие «бархатных революций», с которых и началась практическая имплементация реформ. Составляющими этого процесса можно рассматривать выпавшие на этот же год 20-летие членства этих стран в НАТО и 15-летие присоединения к Европейскому союзу.

Привычка совмещать оценки или важные действия с «круглыми датами» происходит не от советских пятилеток и дат отсчета отечественной истории. В Европе

«цифровой символизм», «магия чисел», как видим уже из факта совпадения столь многих юбилеев, также имеют широкое распространение.

Надо сказать, что сегодня самому факту трансформаций, или, иными словами, реформ политической, экономической и социальной сторон жизни этих обществ уделяется меньше аналитических работ, нежели это было в первые годы. Тогда, в последнее десятилетие XX в., тема перестройки обществ и последующей трансформации мировой системы занимала первые места в общественной дискуссии. Всех волновала оценка самого процесса; вышло несколько работ с попыткой ответа на вопрос: откуда и куда?¹ Автор также приняла участие в этом процессе, став редактором и одним из авторов книги «Вишеградская Европа: откуда и куда? Двадцать лет по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии» [Вишеградская Европа..., 2010].

Сегодня более актуальны другие вопросы: завершились ли реформы? Совпали ли они с ожиданиями? Достигнута ли поставленная три десятилетия назад цель? Если да, то что дальше? Ведь общество должно развиваться. Следовательно, необходимо четко обозначить направление дальнейшего развития. У окружающих стран и мира возникает вопрос: что дальше можно ожидать от региона, появившегося 100 лет назад на политико-географической карте как Центральная Европа? Этот юбилей достаточно скромно – в сравнении с его историческим значением – был отмечен в Праге, Братиславе, Варшаве в уходящем 2018 г.

Труды, в которых оценивались бы реформы, сегодня по большей части заменили работы, в которых приводится анализ не самих трансформаций, а итогов адаптации к стандартам и нормам евроатлантической интеграции. Чаще всего они представляют собой анализ общественного мнения по поводу присоединения к ЕС спустя 5, 10, 15 лет либо сопоставление конкретных итогов развития национальной экономики и социальной сферы². Все реже появляются философские эссе с раз-

¹ См.: Бутенко А.П. От тоталитаризма к демократии // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М.: ИМЭПИ РАН, 1995; Leszek Balcerowicz, *Socialism, Capitalism, Transformation*. CEU. Bp.- L.- N.Y. 1995; *Entwicklung in Mittel- und Osteuropa. Eine Welt*, Bonn, 1993; *Transformationsprozesse in den Staaten Ostmitteleuropas*. 1989 - 1995. Nomos Verlag. Baden Baden; *Eastern Europe: Challenges - Problems - Strategies*. Bertelsmann Foundation Publishers, Gutersloh, 1993; Max Haller, Peter Schachner-Blazirek, *Europa - Wochin?: Wirtschaftliche Integration, Sociale Gerechtigkeit und Demokratie*. Graz, Leykom, 1994; Ingomar Hauchler, *Der Beitrag des Westens zur Transformation in Osteuropa / Entwicklung in Mittel- und Osteuropa. Eine Welt*, Bonn, 1993; Jadwiga Staniszkis. *Post - communist peripheral capitalism (PCPC): politics of institutionalization / Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities*. Moscow, IIEPS RAS, 1995 и другие.

² Sedelmeier U. *Europe after the Eastern Enlargement of the European Union: 2004–2014*. 10.06.2014. URL: <https://eu.boell.org/en/2014/06/10/europe-after-eas-tern-enlargement-european-union-2004-2014> ; 25 lat polskiej transformacji systemowej – dokonania i wyzwania (2014). pod. red. Jerzego Kornasia. Kraków: Wydawnictwa AGH, 2014; Marušiak J. (ed.), *Internal cohesion of the Visegrad Group*. Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava, p. 122-159 и другие.

мышлениями о том, насколько правомерен был некритичный перенос западного примера на центральноевропейскую почву¹, а также насколько справедливы западные требования в отношении этих стран, умножившиеся на фоне миграционного кризиса и попыток Брюсселя вмешиваться в национальные законотворческие процессы.

Центральноевропейскую аналитику сегодня представляют работающие чаще в евроатлантическом ключе «думающие танки» (think tanks), научные центры при университетах, и остатки доживающей при скудном государственном финансировании классической академической науки. Государство явно предпочитает поддерживающие официальную политику центры и фонды. Академии же и университеты, сохранившие за собой реноме оплотов свободомыслия, в ряде стран приравниваются к оппозиции и уже не первый год подвергаются «реформированию», сводящемуся к сокращению кадров и введению затрудняющей творческий процесс громоздкой бюрократической отчетности. Это, пожалуй, один из самых печальных итогов «перестройки».

Обращает на себя внимание обилие докладов и мероприятий, посвященных пятилетию членства стран Центральной Европы в ЕС, когда и оценивать, кроме самого факта свершившегося события, особенно было нечего. Разве что на фоне пятилетия восточного расширения ЕС в 2009 г. была запущена приближающаяся к своему десятилетию программа Восточного партнерства. Последующие круглые даты, которые можно было бы совместить с этапами конвергенции, либо отмечались более сдержанно, либо и вовсе уходили в тень иных событий. Считается, что страны Центральной Европы в целом пришли к некоему состоянию, существенно отличающему и их самих, и регион от того, что было 30 лет назад.

Экономика: откуда и куда?

При анализе пути, пройденного странами Вишеградской группы за три десятилетия, аналитиков прежде всего интересует вопрос не только об их удаленности от исходной точки трансформаций и приближенности к конечной цели, но главным образом о том, какова она, эта «конечная цель», насколько она отражает общественные идеалы. При этом часто обнаруживается, что центральноевропейское население сегодня опять недовольно своим настоящим. Очевидно, что за 30 лет Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, преобразуясь и время от времени корректируя вектор развития, прошли определенный эволюционный путь, значительно отдаливший их от прежней «Восточной Европы» и одновременно не до конца сблизивший с той, к которой они стремились [Шишелина, 2016]. Не совсем корректно ставить вопрос в плоскости, что они потеряли и что обрели. Они просто стали другими, как и мир, к которому они стремились, не стоял все это время на месте. Между точкой отсчета и «сегодня» прошли столь разительные технологические переме-

¹ Reframing Europe's Future. Challenges and failures of the European construction. Ed. Jody Jensen and Ferenc Mislivetz. Routledge, 2016.

ны, что иные из параметров уже трудно поддаются вычислению. И тем не менее, что можно констатировать, базируясь скорее на традиционном подходе?

Экономика региона полностью влилась в общеевропейское экономическое пространство, став его составной частью. Вступление Венгрии, Польши, Словакии и Чехии в Европейский союз означало завершение дискуссии о путях трансформации социально-экономических моделей и выбор в пользу формирования в этих странах рыночной экономики. Однако, как отмечают А. Габарта и А. Дрыночкин, несмотря на формальное отнесение их к группе развитых государств на основании рыночности имплементируемой модели, реально формируемые социально-экономические модели вишеградских стран демонстрируют ряд отличий от «образца» [Вишеградская четверка, 2017: 51].

Сравнивая уровни модернизации и инноваций, можно отметить, что в странах-членах Евросоюза они на сегодняшний день все еще выше, чем в вишеградском регионе. В то же время эти показатели у стран В4 выше, нежели у граничащих с ними восточных соседей и России. Если же брать весь регион, отправившийся в путь на рубеже 1990-х гг., то он выглядит достаточно благополучно на фоне других. Для этих стран в целом все эти годы благоприятно складывалась экономическая конъюнктура, им удалось достаточно быстро стабилизировать свои экономики после разрушения конца 1980-х – начала 1990-х гг. По сравнению с началом 1990-х гг. к 2016 г. ВВП стран региона вырос более чем в 3 раза, а в случае Словакии и вовсе – в 5 раз [Вишеградская четверка..., 2017: 53]. Очевидно, что на таких благоприятных показателях отразились безвозмездная финансовая помощь, дешевые кредиты, прямые инвестиции ЕС¹.

Кроме показателей, которые однозначно отражаются в цифрах, есть и такие, которые можно оценивать двояко: с одной стороны, с открытием границ и появлением Шенгенской зоны у вишеградцев возникла свобода передвижения и восточные европейцы смогли выехать на учебу и работу в другие страны ЕС. С другой стороны, эта «возможность» сказалась на изменении структуры населения. Большая часть молодых людей уехала на заработки в западные страны. Особенно много – от двух до трех миллионов – уехало поляков. А после кризиса на Украине примерно столько же украинцев переместились в эти страны. Уровень квалификации у них ниже того, который за годы реформ был достигнут в вишеградских странах, к тому же они пополнили украинскую диаспору, увеличив ее вес. Тяжелым бременем на бюджеты стран региона легли и проблемы с волной мигрантов из Азии и Африки. В 2015 г. Еврокомиссия выделила Будапешту 8 млн евро в качестве финансовой поддержки и объявила о намерении выделить еще около 85 млн евро финансиру-

¹ Три фонда весьма привлекают эти страны: Фонд европейского регионального развития, Фонд сплоченности и Европейский социальный фонд. В период 2007–2013 гг. из этих фондов получили: Польша – 67,3 млрд евро, Чехия – 26, 7, Венгрия – 25,3, Словакия – 11,6 млрд евро. См.: Чибриков Г.Г. Евросоюз и периферийные страны с переходной экономикой // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. М.:, ИЕ РАН. 2014. С. 23.

ния до 2020 года [Bulletin..., 2015]. Однако сегодня вишеградские страны предпочли другой путь – путь протеста против решения Брюсселя о квотах на распределение беженцев. Ситуация с наплывом мигрантов стала одной из причин поправления этих обществ и увеличения критических замечаний в адрес Евросоюза.

По отраслям экономики есть позитивные тенденции, но есть и неоднозначные. В целом ЕС приспособил вишеградский регион к потребностям своего рынка, однако при этом вытеснил с него достаточно успешные до присоединения экономические отрасли этих стран. В первую очередь это касается сельского хозяйства, которое все еще традиционно продолжает играть значительную роль в формировании ВВП региона¹.

Если судить по личным ощущениям граждан, то данные Евробарометра показывают, что в целом поляки, чехи и словаки считают, что их страны выиграли (соответственно 55 – 73 %; 42 – 54 %; 62 – 72 %) и только венгры считают, что скорее проиграли (48 – 40 %) [Дрыночкин А., 2015: 53]. Что не изменилось с начала 90-х, так это то, что наиболее критично к экономической ситуации в своей стране относятся венгры [Вишеградская четверка..., 2017: 63].

Да, снижается инфляция², но слишком медленно растет заработная плата. Все страны Центральной и Восточной Европы продолжили отставание по уровню заработной платы на фоне ЕС³. Положительным ощущениям несколько способствует снижение некоторых выплат, например цен на электроэнергию, а в Венгрии – на услуги ЖКХ в целом⁴. Более чем 25% рабочих мест в Словакии, Чешской Республике и в Польше обеспечиваются экспортом из других государств - членов. Вообще в 1991–2015 гг. объем экспорта товаров увеличился более чем в 15 раз, а импорт возрос более чем в 12 раз. Согласно данным ВТО, страны Вишеградской группы входят в первые 40 стран-лидеров по объему экспорта и импорта в мире. Эти данные говорят о значимой роли внешней торговли в экономическом развитии стран региона и о том, что они смогли найти свое место в международном разделении труда [Вишеградская четверка..., 2017: 73].

¹ Если в целом по ЕС доходы в сельском хозяйстве в расчете на одного труженика снизились в 2009 г. на 12,2%, то самой пострадавшей опять-таки стала восточноевропейская страна – на этот раз Венгрия, где эта цифра составила 35,6%. В Чехословакии доходы тружеников села упали на 24,1%, что стало также одним из наиболее высоких показателей в масштабах ЕС.

² Инфляция в Венгрии снизилась в 2014 г. на 1,4%, в Польше – на 1,0%. В первом квартале 2015г. показатели инфляции продемонстрировали дальнейшую динамику: в Польше сокращение достигло 1,3%, в Венгрии – 1,0%, Словакии – 0,6%, и в Чешской Республике – 0,1%.

³ В Чехии средняя заработная плата в 2014 году составила 332 евро, в Венгрии – 333 евро, в Словакии 360 евро, в Польше 410 евро. Таким образом, во всех этих странах средняя заработная плата является самой низкой в Евросоюзе. Однако следует заметить, что сравнительная таблица изменений в минимальной заработной плате с 2008 до 2015 гг. показывает значительные улучшения в Словакии, например на 58%.

⁴ Согласно данным Евростата, за 2014 г. цены на электроэнергию в Чехии снизились на 10,2%, в Венгрии – на 9,9%, в Словакии – на 9,2%. Цены на газ в Венгрии упали на 13,0%.

Однако главный итог 30 лет – это то, что в процессе экономической перестройки и адаптации к нормам ЕС, но особенно преодолевая кризис, страны региона параллельно начинают все больше полагаться на себя, на свой регион. Размеры внутривнутрирегиональных поставок неуклонно растут на фоне ЕС-овских, а это залог резервной самостоятельности региона [Дрыночкин А., 2012: 91]. Говорить о «вишеградском стиле» в экономике, наверное, еще рано, особенно в условиях, когда Словакия вступила в зону евро, а другие страны все еще сомневаются в целесообразности подобного шага, однако опыт согласования вопросов энергетической безопасности, экологичности производства, патентования авторства технических разработок и т.п. выводит страны на формирование единой политики по все расширяющемуся кругу вопросов.

Политика

Мы уже неоднократно писали, что Вишеградская группа, сформировалась из государств, похожих друг на друга не только по передовым экономическим показателям эпохи социализма, но и по критическому настрою. В социалистическую эпоху эти антисистемные настроения вылились в события 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии, 1980 г. в Польше. Во всех случаях присутствовало недовольство существующим общественным строем, низким экономическим уровнем жизни, ограничениями железного занавеса и внутренней несвободой. Поэтому эти страны и в конце 80-х гг. возглавили революционную волну, которая всего за год смела все социалистические режимы Восточной Европы.

За три десятилетия во всех странах региона установилась полноценная многопартийная система, устоялись прозрачные демократические выборы. Если на первых выборах еще присутствовала инерция выбирать между «старым» и «новым», то ныне партии, представлявшие классический левый спектр, в основном ушли в прошлое. Исключением является Коммунистическая партия Чехии, до сих пор присутствующая в парламенте, но, видимо, здесь заслуга Чехии как страны с наиболее стабильными демократическими традициями, так же как и умение чешских коммунистов следовать за изменяющимися требованиями дня. К тому же Чехия – самая промышленная из стран региона, следовательно, у партии рабочих здесь есть социальная база. Сегодня в большинстве стран политический выбор происходит между линией на консервативные европейские ценности и евроатлантические, универсалистские. А уже внутри этих магистральных направлений происходит дробление на умеренные и радикальные. Правда, часто мотивация избирателей все еще носит характер голосования «против», нежели представляет собой идеологически осознанный выбор. Тем не менее даже в таких условиях происходит чередование партий у власти, смена лиц и поколений политиков.

Тридцать лет спустя обращает на себя внимание снижение толерантности к представителям альтернативного политического спектра. Конкуренция между либералами и консерваторами стала постепенно приближаться к состоянию гражданской войны, в которую активно вовлекаются средства массовой информации, в ход

идут компромат, угроза голосовать ногами, т.е. уезжать из страны, которая «перестала быть их достойна». И уже совсем неприглядный оборот эти баталии приобретают, когда во внутривнутриполитические споры втягивается административно-бюрократическая машина Брюсселя¹ с обещаниями применения статьи 7 Лиссабонского договора на основании требований депутатов парламента ЕС. Так, в 2018 году появился нашумевший доклад депутата от Голландии Ю. Саргентини, в котором она, опираясь на донесения работающих в Венгрии правозащитных организаций и оппозиции, формулирует выводы о несоответствии страны основополагающим принципам ЕС и требует ввести против нее доступные санкции. Однако со времени прихода к власти в Польше партии «Право и Справедливость» сделать это сложнее, так как не удастся достичь единогласия во время голосования. Аналогично поступает Венгрия, когда под прицел Брюсселя попадает Польша.

На фоне усугубляющихся противоречий и нестабильности в самом ЕС в последние годы рядовые граждане начинают уставать от избирательных кампаний. Всё чаще на выборах разных уровней побеждают независимые кандидаты. Ощущается и усталость от агрессивно насаждаемой новой идеологии, борьбы компроматов, разоблачений. Так, в парламенты попадают отличающиеся немногочисленностью задач, но вполне конкретные «Пираты» (Чехия) и на одно из первых мест в рейтинге выходит «Партия двухвостой собаки» (Венгрия) [Политический портрет..., 2018]. В то время как элиты, находящиеся у власти в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, заняты выстраиванием верхнего этажа системы – идеологии, опирающейся на политику памяти, – граждан все больше привлекают партии, обращающиеся к актуальным нуждам обычного человека, заботам регионов и городов. После увлечения глобальными трендами население ищет отдушину в размышлениях о новой центральноевропейской ментальности, идентичности, некоей комбинации национального и регионального вопреки общеевропейскому. Ответы на большинство из этих вопросов оно находит как раз в лабораториях классической науки, представленной сегодня удачно вписавшимися в регион академиями наук, спорящими ныне с государством по поводу условий своего дальнейшего существования, финансирования и статуса. Однако к науке все чаще обращаются как к общенациональному арбитру в вопросах общественной дискуссии, которая сегодня порождает острое противостояние в обществе, что в ряде случаев можно также сравнить с гражданской холодной войной. Чаще всего мы имеем дело с продолжением линии

¹ Летом 2013 г. Европейский парламент рассматривал отчет Рубе Тавареса (Greens/EFA, Португалия), подготовленный с подачи венгерских социалистов, состоящий из 40 рекомендаций, направленных венгерскому правительству с целью убедить его «вернуться к европейским принципам демократии и верховенству закона». В документе говорится об «эрозии» демократии в Венгрии и подчеркивается, что Будапешту следует в максимально быстрые сроки устранить все нововведения, идущие вразрез с «фундаментальными ценностями ЕС». В докладе также содержится призыв к Конференции президентов Европарламента для использования против Венгрии механизмов, предусмотренных Соглашением ЕС, в том числе статьей 7 (1).

на осуждение коммунизма. На смену сносу памятников ушедшей эпохи идет волна сооружения новых. Проблема усугубляется и тем, что к этой войне памятников подключается вся объединенная Европа, мало сведущая в тонкостях местных перипетий истории и взаимных обид. Чаще всего она канализирует поиск врага в направлении России, поддерживая дискуссию об итогах Второй мировой войны, роли СССР и нынешней России в Центральной Европе¹. В результате сносятся советские памятники, мемориалы памяти погибших солдат. Однако и некоторые не связанные с Россией последние акции вызывают удивление. Так, в Венгрии недавно был смещен с «аутентичного места» памятник одному из руководителей революции 1956 г., Имре Надю. Похоже, что в свое 30-летие вишеградские страны вступают с удвоенной решимостью самовыражения на новом витке обновления политической составляющей жизни обществ.

В области внешней политики

Тридцать лет трансформации внешней политики региона – это отдельная интересная тема. Если мнения о внутренних реформах сегодня разнятся, то среди перемен, затронувших эту сферу, особое место, несомненно, занимает региональная политика, образование здесь собственной структуры взаимодействия. Вишеградская четверка считается несомненным успехом новой внешней политики Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Если накануне приема в ЕС президент Франции Жак Ширак мог позволить себе уничижительно высказаться по поводу международных заявлений польских и других региональных политиков в духе: «Вы упустили великолепную возможность держать язык за зубами!» [Irak-Krieg..., 2015], то в 2008 г. Николя Саркози уже говорил о том, что «Европе нужна Центральная Европа, ее рост, динамизм и молодость» [У Саркози и Тополанека..., 2015]. Запомнилась и подозрительность президента Франции, высказанная им по поводу саммитов руководителей стран В4 накануне встреч на высшем уровне в Брюсселе. «Это может вызывать вопросы», – заявил он после очередной такой встречи [Szarkozi attacks..., 2009]. На что получил ответ от представителей стран региона, что они в принципе не против встреч Саркози и Меркель, также происходящих в канун брюссельских саммитов.

Сегодня западные политики уже не могут не принимать позицию Вишеградской четверки или отдельных ее стран как серьезный аргумент. В ряде случаев они даже готовы учитывать их опыт и идеи. Так, в конце первого десятилетия XXI века Польше и Швеции была поручена разработка программы Восточного партнерства ЕС. Это говорит о доверии западных партнеров и готовности делегировать «четверке» часть стратегических направлений своей внешней политики, к которым вне всяких сомнений относится и восточное. Другое дело, что в программе были допу-

¹ Параллельно сразу во всех центральноевропейских странах на фоне украинского кризиса вышли доклады о российских шпионах, о поддержке официальной Россией правых движений и т.п. Внимание привлекает не столько факт педалирования этой темы, сколько то, что эта «аналитика» имеет характер кампаний.

щены катастрофические просчеты, приведшие к нынешнему глобальному противостоянию.

К сожалению, к своему 30-летию страны Вишеградской группы оказались в очень сложной международной ситуации, среди двух крупнейших кризисов современности: гражданского противостояния на Украине и наплыва мигрантов с Ближнего Востока и из Африки. На этом фоне В4, благодаря воле к взаимодействию, проявила себя вполне устоявшимся субъектом международных отношений, способным к сплоченным действиям и региональной дискуссии. Это давалось и дается непросто.

Еще на этапе становления Вишеградская группа уберегла Центральную Европу от погружения в тяжелый конфликт, подобный балканскому. В ходе создания общего экономического пространства и диалога по другим насущным вопросам дня удалось снять остроту напряженности, связанной с оживлением дискуссии о границах, о положении национальных меньшинств, послевоенных депортациях и других исторических спорах. В целом были достигнуты единство и согласованность действий на высоком межправительственном уровне. И этому, безусловно, способствовала подготовка Венгрии, Польши, Словакии и Чехии к вступлению в НАТО и ЕС, а также совместный опыт по адаптации к расширенному в 2004 г. общему европейскому пространству. На внутренней периферии ЕС, таким образом, сформировалось целостное пространство общих по отношению к ЕС интересов. Причем, формируясь как часть, как замыкающий концентрический круг геоконструкции ЕС, оно одновременно крепло внутри, сохраняло свою уникальность в отторжении некоторых тенденций конвергенции, не совпадавших с ее собственными представлениями о «возвращении в Европу». Таким образом, Вишеградская четверка рождалась и стабилизировалась в процессе приспособления к двум реальностям: к расширению евроатлантического влияния и внутренним общественно-политическим и экономическим трансформациям.

Если раньше свое несогласие с некоторыми условиями конвергенции, трактовавшимися как евроскептицизм, демонстрировали отдельные страны, то в условиях кризиса в соседстве, как в южном, так и в восточном, сопротивление директивам Брюсселя обретает единую базу, страны начинают кооперироваться во имя достижения своих целей внутри ЕС. Достаточно вспомнить, как то Польша, то Чехия держали в напряжении весь Европейский союз в период подготовки к подписанию Лиссабонского договора. Теперь же, когда Брюссель давит то на Польшу, то на Венгрию, их представители в парламенте ЕС демонстрируют взаимную поддержку. Таким образом, мы наблюдаем зарождение в регионе традиции совместных действий в отстаивании политических интересов.

Именно зарождение, но пока не полноту единства. На степень вишеградской политической сплоченности продолжает оказывать влияние внутренняя политика государств-членов. Элиты одного политического спектра более склонны к взаимодействию даже вопреки интересам «четверки». Порой на этой почве возникают группировки внутри квартета. Так, в 2015 г., Чехия и Словакия на фоне возоблада-

ния консервативных традиций в Венгрии и Польше попытались создать свой «Славковский альянс», усилив его за счет соседней Австрии. Однако попытки Польши вернуться к межвоенной концепции Триморья озадачили уже и Венгрию. Поэтому на данный момент страны сдерживают наличие общей угрозы, которую они видят в политике давления Брюсселя. Естественно, выходить из ЕС ни одна страна не собирается. А отстаивать свою позицию они наиболее эффективно могут только вместе и только в таком составе, как вступили в ЕС в 2004 г. Здесь альтернативы нет уже хотя бы по причине несовместимости геополитических интересов Австрии и Польши.

Однако есть у стран и собственные приоритеты. Так, Польшу, Чехию и Словакию куда меньше Венгрии интересуют Балканы. В свою очередь Украина более других стран «четверки» интересуется Польшу. Еще официальная Варшава активна в Прибалтике и Белоруссии. Эти направления «вишеградской политики» вполне можно рассматривать как внешнюю периферию уже Вишеградской группы.

После вступления в ЕС и НАТО самостоятельные внешнеполитические инициативы вишеградцев были существенно ограничены необходимостью согласований своих шагов с Брюсселем. Как бы свободны в высказываниях и частично и в действиях ни выглядели некоторые вишеградские политики (В. Орбан, Р. Фицо, М. Земан), официальные заявления Вишеградской группы строго соответствуют политической линии ЕС и НАТО. Некоторая свобода действий, инициатива, была предоставлена Вишеградской группе в политике Восточного партнерства как союзу, непосредственно граничащему с восточными соседями ЕС, а также более других ощущающему исходящие из региона перспективы и вызовы одновременно.

Со времени принятия программы участие стран Вишеградской группы в ней сводилось к периодическим встречам «четверки» с представителями стран - объектов Восточного партнерства в формате В4+ и к поддержке гуманитарного взаимодействия со своими соседями. Чаше других такие встречи проводились с руководством Украины по инициативе последней. В конце февраля 2014 г., после трагических событий на киевском Майдане, министры иностранных дел В4 посетили Киев и Днепропетровск для консультаций с руководством Украины и представителями бизнеса. Однако инициатива в поисках путей разрешения кризиса, после провала февральской 2014 г. миссии министра иностранных дел Польши Сикорского была практически полностью возвращена лидерам ЕС – Франции и Германии. Участие же вишеградских стран в урегулировании ситуации на Украине свелось в итоге к совершенно конкретным поручениям для каждой страны. Как заявил министр иностранных дел Словакии М. Лайчак, страны ВГ распределили между собой зоны ответственности в содействии украинским реформам. Так, Словакия отвечает за общую и энергетическую безопасность; Чехия – за реформу в строительстве на Украине гражданского общества, реформирование образования и средств массовой информации; Польша – за децентрализацию регионального и муниципального управления и реформу финансового сектора; Венгрия – за поддержку малых и средних

предприятий [Slovakia to aid..., 2014]. В этом русле Вишеградская группа и действовала на протяжении 2015 г.

Вишеградская четверка через посредство Вишеградского фонда осуществляет так называемую политику мягкой силы по соседству: в направлении бывших республик СССР и в направлении Балкан, финансируя ряд образовательных проектов и программ поддержки гражданских обществ, средств массовой информации в этих странах.

Во внешнеполитических курсах самих стран все чаще присутствуют отсылки к «новым европейским ценностям», демократическим и правовым установкам Евросоюза, лояльности евроатлантическому процессу, хотя на фоне ряда кризисных ситуаций последнего времени нарастает и стремление к более самостоятельным решениям.

Отношения с Россией

Самостоятельное российское направление во внешнеполитической активности «четверки» отсутствует. Как показал кризис вокруг Украины, оно полностью делегировано Брюсселю и вишеградские официальные представители лишь исполняют централизованные директивы. Об отношениях с Россией, таким образом, сегодня можно говорить, подразумевая преимущественно их межгосударственный уровень, как о двусторонних. Со времени начала системных преобразований и распада Восточного блока они прошли фазу практической отмены сотрудничества и денонсации договоренностей, затем позитивный виток их корректировки, включивший попытку сближения, и уже скоро пять лет, как вернулись к прежнему нисходящему состоянию. Получается, что единственным суммарным итогом трех десятилетий стали изменения главной парадигмы отношений стран Центральной Европы и России: из «особых» отношений союзников они превратились в «универсальные» российско-евроатлантические отношения. Об этом свидетельствует факт окончательного нивелирования значимости для России этого региона как региона «особых отношений», что следует из последней внешнеполитической концепции РФ, утвержденной 30 ноября 2016 г. В ней нет даже упоминания об этом регионе [Концепция внешней политики, 2016]. Получается, что, влившись в глобальный мейнстрим, страны Центральной Европы стали для России частью отношений с ЕС, рассматриваются Москвой как часть системы внешней политики всего евроатлантического альянса.

Однако и спустя 30 лет нельзя не учитывать неизменного обстоятельства, что мы – ближайшие соседи по континенту. Помимо географической близости, у наших стран общие культурные корни и не только негативные (как это все чаще подают сегодня) воспоминания о совместном историческом прошлом. Следовательно, отношения между нами как соседями – это константа, от которой никуда не уйти, как бы этого ни хотелось некоторым группам политиков.

Однако наши новые отношения в любом случае вынуждены вписываться в актуальный геополитический контекст: вишеградские страны сегодня являются чле-

нами НАТО и ЕС. 12 марта 2019 г. как раз исполнится 20 лет со времени вступления Венгрии, Польши и Чехии в НАТО. А 1 мая 2019 г. все четыре вишеградские страны подведут итог полутора десятилетиям своего членства в Европейском союзе. Следовательно, наши современные отношения должны соответствовать этой структурной реальности. Возможно, что упоминание региона в последней концепции российской внешней политики можно рассматривать как малую значимость внешнеполитических шагов центральноевропейских стран в условиях антироссийских санкций. Несмотря на частное осуждение этой меры, введенной ЕС, лидерами «четверки», на деле они не рискуют вступать в противостояние с Брюсселем, предпочитая лояльность принявшей их интеграции дальнейшему улучшению отношений с Россией.

За 30 лет наши отношения и наши политики относительно друг друга прошли несколько этапов и претерпели значительные метаморфозы. На изменения оказывали влияние как события разного масштаба, так и конкретные личности. К тому же отношения эти не были равными со всеми странами сразу. С одними странами они складывались более удачно, с другими – менее. Совсем не сложились, пожалуй, лишь отношения с Вишеградской группой как региональной структурой, но, возможно, это и не было целью сторон.

Ни Россия, ни страны Восточной Европы на первом этапе (с 1991 по 1993 г.) не имели четких представлений о будущем двусторонних отношений, и единственной областью, сближавшей их в политическом плане, как отмечает польский исследователь Витольд Родкевич, были представления о совместном выходе из коммунизма [Rodkiewicz W., 2001]. Однако они стали жертвой гражданской войны в России осенью 1993 г. Своими силовыми действиями в отношении Верховного совета президент Б. Ельцин поколебал веру европейцев в новую Россию. Страны, до тех пор державшиеся идей «центральноевропейскости», т.е. возврата к региональным идеям первой половины XX века, и стремившиеся к роли моста между Востоком и Западом, активно застучались в двери ЕС и НАТО. После того как наши отношения достигли дна в середине 1990-х гг., Россия и государства Центральной Европы шли практически параллельными курсами, одновременно налаживая отношения с западноевропейскими странами и их структурами.

Новый этап в отношения Россия – ЦЕ пришел в связи со вступлением вишеградских стран в НАТО и войной на Балканах, когда мы оказались по разные стороны конфликта. Особенно острым было противостояние в дни войны, когда Венгрия, а вслед за ней и Румыния отказали России в пропуске гуманитарного конвоя в Югославию. Если НАТО спешило принять эти страны в члены Альянса в связи с необходимостью сухопутного коридора в Югославию, то России решения давались куда сложнее.

Рубеж 2000-х гг. стал одновременно и временем окончательного идеологического размежевания, и точкой отсчета прагматического экономического сближения между Россией и странами Центральной Европы. Это было связано с окончанием югославской кампании, когда был скорректирован политический курс и вишеград-

ских стран, и России, и началом следующего этапа – этапа вступления этих стран в Европейский союз. Как ни странно, но понимание западными столицами, что без благорасположения России прием государств ЦЕ в Евросоюз чреват серьезными конфликтами, с 2000-х гг., т.е. по завершении войны в Югославии, привело к тому, что отношения между Россией и центральноевропейскими государствами стали налаживаться. Западноевропейские страны, особенно Италия и Германия, имевшие самостоятельные хорошие отношения с Россией и опиравшиеся на концепцию четырех общих пространств с РФ, пытались передать свой настрой и центральноевропейцам.

Однако практически сразу после вступления этих стран в ЕС отношения с Россией снова начали резко ухудшаться. Большая роль в этом ухудшении принадлежит именно принятым в 2004 г. странам. Так, Польша в 2006 году, а затем и Литва, заблокировали продление базового соглашения о развитии отношений ЕС – Россия. А разработанная в 2008-м и принятая в 2009 г. политика Восточного партнерства ЕС (ВП) постепенно довела наши отношения до опасного противостояния по поводу Украины и других находящихся между нами молодых государств. Конкурирующие предложения с Востока и с Запада не позволили субъектам политики Восточного партнерства и СНГ найти решение, которое устраивало бы все стороны.

За три десятилетия среди вишеградских стран не наблюдалось единого подхода к отношениям с Россией. Нет его и сейчас. В Венгрии с приходом к власти консерваторов появилась альтернативная Восточному партнерству и более дружественная России политика «Открытия на восток». Дональд Туск в бытность премьер-министром Польши неоднократно убеждал в необходимости вести отношения с Россией такой, какая есть, что лучше, чем не иметь с ней никаких отношений вовсе. Правительство Роберта Фицо в Словакии всегда было открыто по отношению к Москве. Да и Чехия никогда не забывала о выгоде прагматических связей.

Сильное негативное влияние на наши современные отношения оказал кризис на Украине. Сначала, несмотря на противоречие их же собственным экономическим интересам, вишеградские страны присоединились к политике санкций в отношении России. Весной 2018 г. в русле общей стратегии ЕС и НАТО страны В4 одна за другой принимали решения о высылке российских дипломатов. Россия поступала симметрично [Центральная Европа., 2018]. Устоять, однако лишь до декабря, удалось только Словакии. Таким образом, предпосылки на 2019 г. открываются не слишком хорошие. Здесь многое зависит от того, какой курс после выборов в парламент ЕС возобладает в Евросоюзе, какую позицию займут Соединенные Штаты Америки, вновь активно осваивающие центральноевропейский регион, решив поддержать здесь польскую программу Триморья. Но главное будет зависеть оттого, какие перемены наступят в России: сможет ли она раскрыть и реализовать свой инновационный потенциал в экономике и политике, чтобы стать привлекательной для региона и ближайших соседей? Готовность стран Центральной Европы к восприятию новой России особенно ощущается в свете нарастания противоречий в евроатлантическом сообществе. С одной стороны, у стран ЦЕ появилась возможность

оценить все плюсы и минусы западной интеграции, и они считают возможным все более открыто и решительно высказывать свое, порой расходящееся с позицией Брюсселя мнение. При этом их вес в европейской и мировой политике неуклонно повышается [Dostal V., 2016]. Сегодня в регионе совершенно очевидно формируется некая новая европейская реальность, потенциал которой еще не до конца раскрыт.

Заключение

Спустя три десятилетия после начала реформ мы видим в центре Европы преуспевшие в реформах Венгрию, Польшу, Словакию, Чехию и значительные достижения других государств, выбравших на рубеже последнего десятилетия XX в. курс на перемены. Часть пути они прошли под патронажем Европейского союза, членами которого стали 15 лет назад и что определило исход реформирования экономики, политики и отчасти идеологических основ в этой части Европы. Не секрет, что результат имеет отличия от романтических представлений второй половины 1980-х, а следовательно, находящаяся в состоянии постоянного движения и неудовлетворенности эта часть Европы продолжит поиски более соответствующего ее представлениями и возможностям пути, который многие здесь сегодня называют «третьим».

Изменилась не только экономика и внутренняя политическая организация этих обществ, радикально обновилась и внешняя политика. Главным результатом, конечно, можно считать несомненный успех совместных усилий на уровне региона – образование здесь уникального для современной интеграционной практики по своей организации, но тем не менее стабильного объединения – Вишеградской группы. Образно говоря, ее можно считать сегодня надежной платформой для всех направлений как совместной, так и национальной внешней политики этих стран. Реально гибкая интеграция продемонстрировала небывалую устойчивость и превратилась в достойный символ региона реформ.

Таким образом, спустя три десятилетия вопросы откуда, куда и как, оказались в основном закрытыми. Однако остается вопрос довольны ли общества Венгрии, Польши, Словакии и Чехии достигнутым в целом? А это уже проблема общих евроатлантических ценностей и подходов, и решаться она может, скорее в универсальном европейском ключе.

Список литературы

Avdeev A., Speech delivered at the opening of the IV International scientific conference “Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities”

Bogaturov A., Tri pokolenija vnesnopoliticheskikh doktrin Rossii / Mezdunarodnije processy. Volume 5, No 1 (13). January – April 2007. URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm>

Bulletin Quotidien Europe. 2015. № 11374

Dostál V., The European Commission has Missed a Good Opportunity to Keep Silent. What has not happened in Poland / Visegrad Insight, 2 February, 2016. URL: <http://visegradinsight.eu/the-european-commission-has-missed-a-good-opportunity-to-keep-silent/>

Koncepcija vneshej politiki Rissijskoj Federacii (utverzdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V.Putinim 30 nojabrja 2016 g.) URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/2542248

Rodkiewicz W., Foreign policy thinking of Polish and Russian elites and the chances for a Polish-Russian pragmatic partnership / Russia and Central Europe in the new geopolitical realities. Proceedings of the IV international scientific conference. Ed. L.Shishelina, Moscow, June 14 - 16, 2001.

Вишеградская четверка в Европейском союзе. Ред. Л.Шишелина. М. ИЕ РАН, 2017.

Дрыночкин А. Экономические аспекты функционирования вишеградских стран в рамках ЕС / Вишеградская Европа. ИЕ РАН 2012.

Дрыночкин А.В. Последствия вступления в ЕС // Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. ИЕ РАН, М., 2014.

Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия./ под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. – 240 с.

References

Bulletin Quotidien Europe. 2015. № 11374

Irak-Krieg: Chirac knöpft sich die EU-Kandidaten vor // Spiegel online. 18.02.2003. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/irak-krieg-chirac-knoepft-sich-die-eu-kandidaten-vor-a-236530.html> (Дата обращения: 12.12.2015).

Poland's emigration headache / The Economist. Nov 5th 2013. URL: <http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2013/11/poland-and-eu>

Slovakia to aid Ukraine in energy and security reforms. The Slovak Spectator. 17.12.2014.

Szarkozi attacks Visegrad Group // European Tribune. 6.11.2009. URL: <http://www.eurotrib.com/story/2009/11/5/42925/1376> (Дата обращения: 12.12.2015).

S&P понийло rejting Poljski / Vesti. 15.01.2016 URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/66352> (Ref.: 16.01.2016)

World Trade Organization Trade Profiles 2016, World Trade Organization, [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles16_e.pdf

Vishegradskaya chetverka v Evropejsykom sojuze. Ed. L.Shishelina. M. IE RAS, 2017.

On the 30th Anniversary of Reforms in the Countries of Central Europe

Author. *Shishelina L.N.* Doctor of Sciences (History), Head of Department for Central and Eastern European Studies, Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3 Mokhovaya Street, Moscow 125009, Russia. **E-mail:** l.shishelina@gmail.com

Abstract. In 2019, the countries of Central Europe will celebrate the thirtieth anniversary of the change of the system. The author of the article finds this a good reason for understanding the essence of reforming the social, political and economic life in the countries of the region. Analyzing this process, first of all, note that the post-socialist states originally had a purpose, which declared as a "return to Europe". However, as the reform process progressed, the goals changed and became more specific. The overall international political situation, the situation to the East and West of the region, played an important role in this. It is also important to note that in the 21st century the transformations took place within the framework of the membership of these countries in NATO and the EU. The author traces the influence of the whole chain of transformation processes: economic, political, ideological on the situation in the Visegrad countries, as well as the evolution of the unification of Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic-B4. Special attention is paid to the study of the stages of formation of the Quartet's foreign policy, relations with the EU and Russia. In this perspective, the problem of B4 in the domestic literature is analyzed for the first time.

Key words: Visegrad four, Visegrad Europe, transformations, reforms, international relations, bilateral relations, Hungary, Poland, Slovakia, Czech Republic.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72018618>